

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 151—161.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 151—161.

УДК 316.3
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-151-161

Наука и общественное мнение как институты духовной сферы: социально-философский анализ. Часть 2

Никита Николаевич Равочкин¹, Владимир Петрович Щенников²

¹Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия

¹Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

²Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки
работников образования, г. Кемерово, Россия

¹*nickravochkin@mail.ru*

²*volodia.logos2011@yandex.ru*

Аннотация. С позиции социальной философии авторы рассматривают взаимовлияние науки и общественного мнения как институтов духовной сферы. Во второй части исследования анализируются особенности институционализации общественного мнения. Прослежена эволюция взглядов на общественное мнение. Графически представлена структура общественного мнения. Выявлены его сущностные характеристики и возможные варианты значения данного института для социума. Руководствуясь работами классиков и современных исследователей, авторы демонстрируют влияние общественного мнения на институт науки, что позволяет установить национально маркированные черты российской научной действительности.

Ключевые слова: наука, институт, общество, духовная сфера, общественное мнение, ценности, взаимодействия.

Для цитирования: Равочкин Н. Н., Щенников В. П. Наука и общественное мнение как институты духовной сферы: социально-философский анализ. Часть 2 // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 151—161. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-151-161>

Science and public opinion as spiritual sphere institutions: socio-philosophical analysis. Part 2

Nikita Nikolayevich Ravochkin¹, Vladimir Petrovich Shchennikov²

¹Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

¹Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

²Kuzbass Regional Institute for Advanced Studies and Retraining of Educators, Kemerovo

¹*nickravochkin@mail.ru*

²*volodia.logos2011@yandex.ru*

Abstract: From the standpoint of social philosophy, the authors consider the mutual influence of science and public opinion as institutions of the spiritual sphere. The second part of the study analyzes the features of the institutionalization of public opinion. The evolution of views on public opinion is traced. The structure of public opinion is graphically presented. Its essential characteristics and possible options for the significance of this institution for society are revealed. Guided by the works of classics and modern researchers, the authors demonstrated the influence of public opinion on the institution of science, which made it possible to establish the nationally marked features of Russian scientific reality.

Keywords: science, institution, society, spiritual sphere, public opinion, values, interactions.

For citation: Ravochkin N. N., Shchennikov V. P. Science and public opinion as spiritual sphere institutions: socio-philosophical analysis. Part 2. *Economic and Social Research*, 2022, no. (34), pp. 151—161. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-151-161>

Общественное мнение может рассматриваться в качестве социального института еще с древних времен, т. е. с момента перехода от потестарных структур к первым государственным формам. Это происходило на этапе формирования первых объединений людей, когда социальный приоритет постепенно утверждался над биологическим. Изначально данное установление регулировало поведение индивидов, которые предпочитали руководствоваться в своей жизни и в объяснении окружающей действительности ритуалами и традициями. Их инструментальное значение и позитивное восприятие объяснялось тем, что люди стремились обезопасить свое существование, в первую очередь от рисков и угроз со стороны природного мира, — и это обеспечило возможности выживания *Homo sapiens*. Общественное мнение помогало формировать дисциплину, так необходимую для последующего развития и артикуляции условий распределения трудовых обязанностей и для нормального функционирования зарождающихся в древнем социуме самых разных механизмов. Разумеется, что подобное категорирование общественного мнения может быть принято только лишь с учетом всех условностей, но примечательно, что представленная сущность данной формы социума высвечивает один из вариантов ее актуального понимания.

Укрепление первых государственных форм сопровождалось закономерными качественными сдвигами в развитии производительных сил, усложняя и дифференцируя социальные системы, что не могло не сказаться на структуре общественного мнения, в которой всё ярче прорисовывались волевой, интеллектуальный и эмоциональный компоненты. Также в последующем руководство обычаями и традициями приобретало те или иные формы одобрения и санкций, что позволяет говорить о высокой роли оценочного компонента. Примечательно следующее: несмотря на то что довольно продолжительный период общественное мнение существовало в качестве регулятора поведения индивидов, и в явной и в скрытой форме, сам термин появился в Англии лишь в XII в., когда Дж. Солсбери употребил его для обозначения моральной поддержки парламенту, оказываемой населением [13, с. 116—117]. Сегодня мы видим, что данная теоретическая конструкция вышла далеко за пределы англосаксонского мира, проникнув в другие государства. Теперь она также используется, например, для обозначения осуждения, порицания тех или иных решений, действий политических, социальных акторов.

В очередной раз можем провести аналогию между появлением общественного мнения, в современном его понимании, как

и большинства существующих сегодня социальных институтов — в нововременной период исторического развития — и формированием буржуазного строя, капиталистических отношений в период перехода от традиционных обществ к индустриальным. Выходит, институционализация общественного мнения тесно связана с модернизацией и укоренением плебисцитарных форм гражданского управления, и эта связь требует выработки и регламентации способов публичного самовыражения социальными группами своих интересов. Поэтому буржуа как наиболее активный класс Нового времени стремились укрепить свои позиции, сосредоточив активность на разработке имеющих идеологический эффект концептов, которые обеспечили бы им доминирующее положение в обществе. Сама идеология появилась позже, но современные интеллектуальные конструкты наиболее рельефно прорисовывают значимость права частной собственности. Позднее неоднородность общества и усугубляющееся социальное неравенство получили закрепление не только в морально-этических максимах, но и в нормах права. Наконец, следует отметить, что оформление вокруг общественного мнения сети множественных заинтересованных организаций (альянсы, партии, профсоюзы) не только позволяет говорить о его значимости для общественной жизни, но свидетельствует о буквальном приобретении этой формой социума всех признаков социального института.

Одновременно с усилением роли общественного мнения и умножением его взаимосвязей с иными институтами, институциями и практиками, «наступает период манипулятивной пропаганды с использованием социально-психологических, пропагандистских и коммуникативных механизмов» [13, с. 117], что дает основания полагать рассматриваемый объект как результат монополизации взглядов и мыслей населения, осуществляемой различными властными акторами, СМИ и элитами. По сути, эволюцию обще-

ственного мнения можно уложить в два магистральных направления: формирование релевантных конкретному социуму норм и практик (1) и их непосредственная институционализация (2). При этом важно помнить, что «развитость неофициальной стороны института определяет возможности реализации специфических социальных функций, развитость формальной — правовую, законодательную гарантию данной реализации» [12, с. 13].

Переходя к особенностям философского осмысления общественного мнения, укажем, что первые идеи о взаимосвязи отдельных индивидов и социального управления заложены еще античными мыслителями. Тем не менее первая теория общественного мнения принадлежит Г. В. Ф. Гегелю, который вложил в ее основу «принципы справедливости, подлинное содержание и результат всего государственного строя, законодательства и вообще общего состояния дел в форме человеческого здравого смысла» [4, с. 32]. Кроме того, немецкий идеалист сделал акцент на инструментальной роли общественного мнения, обозначив в его содержании соответствующие элементы. Так, помимо очевидно имеющих место заблуждений, искаженной информации и стереотипов, часть общественного мнения представляет верные суждения и истину [4, с. 43]. Другая заслуга Гегеля относительно рассматриваемого объекта заключается в том, что он провел демаркационные линии между властью и элитой, властью и другими социальными группами: правитель — это некоторый репрезентант интегрального мнения различных классов, соединяющий в себе вербализируемые, укорененные в сознании желаемые замыслы и стратегии общественного развития.

В прошедшем столетии осмысление феномена общественного мнения было продолжено Г. Тардом, он акцентировал внимание на развитии системы представлений о психологических явлениях в больших социальных группах. По его мнению, население

дихотомически может быть разделено на *толпу* и *публику*. При этом первая общность сплочена физически, активна и нетерпима, а вторая — рассеяна и пассивна, но при этом именно она, *публика* генерирует и модифицирует влияющие на общественное мнение идеи: «Творцом общественного мнения является некая публика с весьма подвижными и неясными границами, уходящими своими корнями в особенности массовых духовно-психологических процессов» [16, с. 117]. Публика составляет интеллектуальный компонент общественного мнения. Пожалуй, следует согласиться, что к интеллектуалам нельзя отнести всех и каждого, поэтому очевидно, что роль архитектора общественного мнения отводится *элите*. В равной мере отличительный признак рассматриваемого института дополняет его массовость. Таким образом, общественное мнение представляет собой не простой суммативный результат, который получился бы через «калькулирование», учет мнений отдельных индивидуумов, но ту самую, отмеченную Тардом, интегральную общность взглядов и убеждений, которые принадлежат некой совокупности людей: «Соединение психической энергии этих движений порождает дополнительную энергию, нейтрализующую сознательные рационально-логические элементы субъективной реальности индивида. Вследствие этого индивид, включенный в массу, попадает под влияние механизма коллективного внушения» [16, с. 251].

Стереотипам в процессах формирования общественного мнения придавал огромное, если не решающее, значение Н. Луман, выделяя такие качества, как «сиюминутность» и «адекватность настоящему моменту» [10, с. 113].

Социально-философский потенциал общественного мнения видел В. М. Хвостов, а потому указывал, что оно в обязательном порядке должно учитываться при определении траекторий государственного развития, а также усматривал в нем рациональное зерно в поиске альтернативных сценариев

будущего, вследствие чего оно ни в коем случае не должно подавляться [18].

Итак, мы видим безусловную актуальность института общественного мнения. Добавим к этому, что оно формируется под влиянием усиления и (или) осознания экзистенциальной угрозы, что и приводит к мгновенной реакции, которая в последующем кристаллизуется в системы устойчивых убеждений.

Отдельно следует остановиться на кратком обзоре трудов ряда ученых, критически относящихся к общественному мнению. В частности, Ф. Гольцендорф полагает, что природа генезиса общественного мнения во многом остается неясной — и это свидетельствует об «аморфности и обезличенности происхождения общественного мнения» [5, с. 39], что затрудняет его учитывание в процессе выработки решений. Значительно преумножили критические представления (ускорили развитие) об общественном мнении работы Л. Лоуэлла и У. Липпмана. В частности, Лоуэлл полагает, что влияние общественного мнения на процессы государственного управления переоценивается, и объясняет это тем, что рядовые граждане зачастую не обладают полнотой информации, необходимой для принятия соответствующих решений [22]. Аналогичной выглядит и позиция Липпмана. Безусловно, он признает значимость воздействия института общественного мнения на социальные процессы, в том числе связанные и с принятием решений, однако подчеркивает при этом, что данное влияние нельзя рассматривать как безграничное. Липпман считает, что «общественное мнение по многим вопросам застывает в форме стереотипа, что происходит при значительном участии средств массовой информации» [9, с. 267]. Отсюда следует, что современное общественное мнение не столько формируется внутри социума, сколько культивируется при помощи медиа. Таким образом, оно не восходит «снизу вверх», но насаждается

«сверху вниз», ввиду чего оно не отражает функционирующих в обществе взглядов и убеждений, но выступает результатом целенаправленного их формирования, а значит, используется как средство, например, обеспечения элитарного положения властей или закрепления существующей социальной несправедливости.

Обращает на себя внимание позиция П. Бурдьё, который полагал, что общественного мнения попросту не существует. Французский мыслитель подвергал сомнению даже саму возможность личности иметь какое-либо мнение по поводу обсуждаемого широкой общественностью круга вопросов и проблем. Согласно его логике, конгруэнтной представленной выше, суммирование мнений никоим образом нельзя воспринимать как общественные убеждения и взгляды, которые бы обладали регулятивным функционалом [1].

Вообще критический настрой свойственен большинству постмодернистов, которые категоризируют общественное мнение по аналогии с другими социальными феноменами — как симулякр, не являющийся частью объективной реальности, или «пустой знак», за которым ничего нет, а то и вовсе как очередную имитацию не относящихся к действительности процессов. В отечественном дискурсе следует отметить аналогичные взгляды на общественное мнение А. Цыганкова. Он полагает, что сегодня многие субъекты неспособны к рациональному выбору, что трансформирует форму правления отдельных стран и макрорегионов в олигархию, «управляющую плохо информированными гражданами» [19].

В современной России общественное мнение не только активно изучается, но и сознательно формируется при помощи других социальных институтов — государственной политики, образования, СМИ. Иными словами, в условиях современной социальной трансформации российское общественное мнение подвергается активной институ-

ционализации, становится средством социального управления, развития общества и государства. Среди наиболее распространенных определений общественного мнения выделим следующие:

1) «Оценочно окрашенное суждение социальной группы, общности, общества или мирового сообщества как целого, выраженное в высказываниях или поведенческих актах, по вопросам, представляющим общественный интерес» [12, с. 11];

2) «Специфическое проявление общественного сознания, сложное духовное образование, выражающее оценочное отношение (вербальное или невербальное) больших социальных групп, классов, народа в целом к актуальным проблемам действительности, представляющим общественный интерес» [13, с. 116];

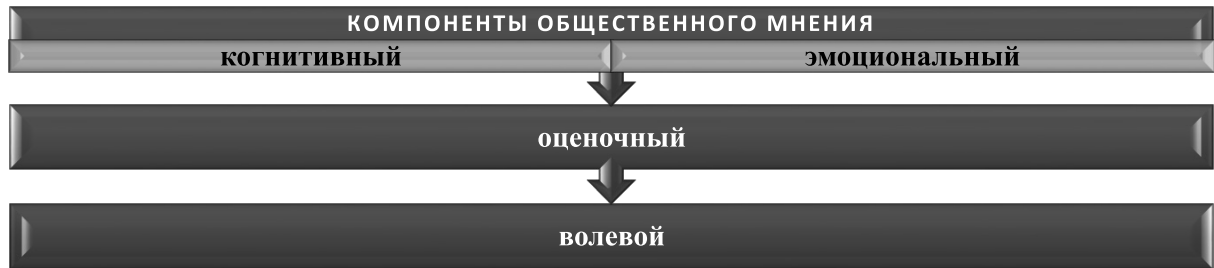
3) «Совокупность действительного отношения социума к событиям, происходящим в обществе» [15, с. 166].

Субъектом общественного мнения может выступать любая общность людей, которая, во-первых, осознает себя как целостность и, во-вторых, имеет каналы для обмена информацией [12, с. 12]. Исследователи выделяют в структуре общественного мнения четыре компонента.

1. *Когнитивный компонент* включает знания о различных фактах, феноменах или процессах. Нельзя не сказать, что эти знания могут быть полными или же фрагментарными, но одновременно с этим — достаточными для формирования «компетентного мнения», допускающего манипуляцию различными группами.

2. *Эмоциональный компонент* основан на настроениях, переживаниях и чувствах индивидов, на интегральной совокупности элементов восприятия объекта.

3. *Оценочный компонент* — это непосредственный анализ и дальнейшее конституирование отношения к объекту, что детерминирует выбор определенных поведенческих паттернов и стратегий.

Структура общественного мнения

4. *Волевой компонент* включает многочисленные варианты собственно интересубъективных взаимодействий между индивидами, напрямую связанных с объектом [2, с. 16; 12, с. 13].

Механизм, демонстрирующий взаимодействие перечисленных структурных компонентов, представлен на рисунке.

В зависимости от состояния общества, общественное мнение, которое в нем формируется, способно в равной мере выполнять как конструктивные, так и деструктивные функции. Сегодня данному институту отводится далеко не последняя роль в обеспечении и поддержании стабильности общества, а именно в переходе на желаемый многими акторами эволюционный путь общественного развития.

Рассмотрим сущностные характеристики общественного мнения. На наш взгляд, следует выделить его перманентность, в связи с тем, что возникновение дискуссий носит не спорадический характер, но при этом сам институт представляет собой своеобразную «социальную власть», поскольку регулирует поведение отдельных индивидов и различных групп, тем самым оказывая влияние на логику функционирования других структур и практик. Помимо этого укажем на весомые черты общественного мнения: публичность; аксиологичность; актуальность; личностная значимость; прагматичность [2, с. 15; 13, с. 118; 15, с. 166]. Применительно к социальной философии можно отобразить его суть в контекстуальной формулировке: консолидация общества вокруг наиболее злобо-

дневных экзистенциальных проблем с целью непосредственно повлиять на решение властных акторов, например, через ремоделирование наличных параметров и контекстуальных условий.

На следующем этапе исследования представляется целесообразным остановиться на изучении особенностей взаимодействия общественного мнения и науки, принимая во внимание их институциональную сущность. Прежде всего, обращаясь к пониманию науки как социального института, хотелось бы отметить, что императив универсализма, сформулированный Р. Мертоном, выводит науку на наднациональный уровень, поскольку подразумевает минимизацию влияния субъективных факторов на результаты научных исследований. Однако любой ученый является членом не только научного сообщества, но и общества в целом, его жизнедеятельность протекает в определенной социокультурной среде. С детства любой индивид вовлекается в систему коммуникативных взаимодействий, сформированных под влиянием культурной специфики. В целом культура, когниция, язык всегда тесно переплетены и взаимообусловлены, что позволяет сделать вывод, что несмотря на высокий уровень интернационализации, национальная наука испытывает влияние родной культуры. Науку, по словам М. Г. Ярошевского, «создают люди, взращенные на почве определенной национальной культуры. Они впитывают богатства этой исторически сложившейся культуры, ее самобытные социально детерминированные традиции. И это вовсе

не безразлично для направленности и стиля их мышления при открытии, выборе и решении строго научных проблем. За каждым выбором и решением стоит не абстрактный индивид с его общим для всех аппаратом переработки информации, а личность, в творчестве которой с различной степенью остроты сконцентрированы нужды и боли своего народа» [21, с. 117]. Иными словами, наука не изолирована от национального общества, формируется в рамках отдельной культурной модели, испытывает на себе влияние культурных особенностей.

В свою очередь, национальная наука, исследовательские школы стремятся к интеграции ученых, имеющих гражданство других государств и придерживающихся других культурных ориентаций, которые нивелируются вокруг универсальных когнитивных компонентов. Именно поэтому в процессе создания таких объединений культурно маркированные компоненты вытесняются, в результате чего формируются парадигмы. Как известно, эти «почти догматы» являются vitalными структурными элементами, во многом обуславливая профессиональную деятельность ученых за счет интериоризации и конституирования жизненных миров.

Влияние социокультурных детерминант на развитие института науки проявляется на трех уровнях:

1) индивидуальный: ученый усваивает и принимает культурные нормы как личностно значимые;

2) институциональный — воздействие на личность исследователя со стороны системы национального воспитания, образования, на уровнях экономического, правового, технического и научного развития общества;

3) удаленный, на котором большую роль принимает на себя язык в его тесной взаимосвязи с мышлением и связанными с оформлением мировоззрения практиками, что может происходить за счет уникальных комбинаций его форм — мифологии, религии, искусства, философии [23].

Принимая во внимание выявленные социокультурные детерминанты, представляется возможным выявить также специфику влияния общества и общественного мнения на становление и современное развитие российской науки. Прежде всего, хотелось бы остановиться на религиозных факторах влияния. Важно добавить, что в России на протяжении десятилетий господствовало убеждение в том, что религия и наука — прямые антагонисты, исключают друг друга. В западноевропейской науке, наоборот, начиная с М. Вебера, сложилась социологическая традиция находить истоки формирования любых социальных институтов, в том числе и науки — в протестантской этике, системе религиозных верований. В последующем на данном направлении сосредоточился Р. Мертон — именно ему удалось зафиксировать корреляции между научным этосом и протестантизмом и сформулировать диспозиционные условия, которые позволяют подвести под общий знаменатель особенности их социального оформления на нововременном этапе мировой истории [11].

Несмотря на отсутствие в российском обществе широкого распространения идей протестантизма, да еще на повсеместное превалирование православия и отчасти, на определенных территориях, ислама, отечественная наука всё же неоднократно осуществляла рецепцию достижений европейской науки. Вне всякого сомнения, такого рода синтез не свободен от противоречий, на которые указывают И. П. Цапенко и А. В. Юревич: «Если западная наука является выражением протестантской этики, то российская православная культура должна была породить какую-то другую науку» [20, с. 125]. Не будем вдаваться в размышления, смогла ли бы Россия породить какую-либо иную науку, но современный вариант отечественной науки позволяет ей интегрироваться в мировую науку. Свидетельством может выступать повышение интенсивности академической мобильности, когда российские

ученые успешно осуществляют исследовательскую деятельность за пределами страны. Вместе с тем говорить о том, что религия и общественное мнение, сформированное, помимо прочих религиозных взглядов, православием, не оказывают влияния на формирование мировоззрения российских ученых, — нельзя.

Рассмотрим особенности христианских религиозных взглядов. На формирование трудовой этики православных большое влияние оказывает «душеполезность», значит, ценным признается труд, «направленный на раскрытие данного Богом таланта, на совершенствование и воспитание души» [7, с. 57]. И наоборот, деятельность, направленная на получение личных выгод, маркируется в православии как «пагубная» и «лишенная смысла» [8, с. 244]. Мы знаем, что в данном положении протестантизм кардинально отличается от других ответвлений христианских верований, прежде всего от православия и католичества, для которых характерна некоторая идеализация бедности, порицание стремления к накоплению земных благ, ориентация на достижение *царства Божиего* в будущем, что не предполагает накопления земных богатств. Для протестанта успех — это всегда его личный успех, это его форма служения Богу, за которую он может быть и должен быть награжден уже здесь, в жизни земной.

Под влиянием православия научная деятельность воспринимается как откровение и средство преобразования личности, не предполагающее и не требующее награды. Например, П. Л. Капица заявлял о получении им Нобелевской премии так: «ему труднее было дожить до этой премии, чем сделать открытие сверхтекучести гелия сорока годами раньше» [6, с. 505]. Ему вторил и В. Л. Гинзбург: «каждый физик может получить Нобелевскую премию, надо только дожить» [6, с. 287]. Как видим, отношение российских ученых к наиболее престижным наградам остается в некоторой степени иро-

ническим. Разумеется, было бы абсурдным утверждать, что все без исключения российские ученые не заинтересованы в получении международных наград, а все западноевропейские исследователи только и занимаются наукой исключительно ради наград, но аналитика социальной действительности дает основания для гипотезы: российские ученые в большей степени склонны воспринимать научную деятельность как своеобразную форму служения обществу. В доказательство рассмотрим результаты исследования общественного мнения. С одной стороны, большинство респондентов полагают, что ученый должен быть: 1) «умным эрудитом» или «образованным интеллектуалом»; 2) «честным», т. е. работать на благо социума [14, с. 59]. Соответственно, для россиян ученый — субъект, который приносит общественную пользу, а его научная деятельность способствует эволюционному развитию государства. С другой стороны, ученому общественным мнением предписаны такие качества, как высокий уровень развития интеллекта и эрудиции, стремление к служению государству, бескорыстие. Более того, респонденты отмечают низкий уровень материальных доходов российских ученых. Парадоксальной кажется ситуация, что образ бедного ученого не отталкивает россиян от научной деятельности: опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 2021 г. показывает, что «абсолютное большинство россиян (86 %) положительно отнеслись бы к решению своего ребенка или внука стать ученым и сделать научную карьеру» [3]. Другими словами, россияне, признавая, что российские ученые живут в бедности, готовы к тому, чтобы их дети стали учеными и жили в бедности. Подобную ситуацию можно объяснить влиянием исторических и религиозных факторов, а также национальной ментальностью: россияне всегда преклонялись перед людьми образованными, высокоинтеллектуальными, научная деятельность воспринималась как особое служение, социально

полезное, важное. Социальное признание и саморазвитие в данном случае приобретало более высокое значение, чем материальное благосостояние. В российских реалиях общественное мнение традиционно предписывало интеллигенту необходимость вести умеренный, даже аскетичный образ жизни: «интеллигенты могут напоминать монахов, которые отказываются от мира; интеллигент отказывается от мира бюрократического, государственного, он противопоставляет духовные ценности государственной системе» [17, с. 14].

Вернемся к влиянию православия на науку: обращенность к вечному формирует круг научных проблем и научных исканий. Как отмечают ученые, «под влиянием православия главной проблемой российской науки стала проблема человека, его судьбы и карьеры, смысла и цели истории, а не практические проблемы, служившие центром притяжения в Западной науке. В результате, несмотря на отдельные весьма громкие успехи российских естествоиспытателей, вплоть до XX века отечественная гуманитарная традиция была куда богаче естественно-научной» [20, с. 131].

Восприятие ученого как служителя обществу и государству исторически оказывало на научное сообщество постоянное давление, нацеленное на то, чтобы переориентировать науку на решение практических задач. В целом необходимость подчинять собственную научную деятельность достижению практических целей выступает серьезным ограничением для ученого, который не может вывести науку на новый уровень, — уровень, не связанный с решением практических задач, оторванный от прикладных проблем. Трагическим, наиболее наглядным примером нацеленности на решение практических задач стало уничтожение гуманитариев.

Далее рассмотрим общественное мнение как институт. Придание институту регуляторной силы следует относить к древнейшим временам, когда приоритетное место в во-

просах выживания человеческих общностей стало отводиться не биологическим, а социальным факторам. Однако развитие общественного мнения как социальной практики начинается с появления буржуазии, в частности с осознания этим классом собственных интересов, а также с формирования социальных институтов, направленных на защиту этих интересов. Сегодня формирование общественного мнения связано со становлением гражданского общества и поэтому претерпевает влияния таких социальных институтов, как образование, воспитание, внутренняя политика государства, СМИ и т. д. Таким образом, общественное мнение выступает, с одной стороны, инструментом инициации общественных трансформаций и реформирования социальных институтов, с другой — результатом функционирования этих установлений.

Подводя итог изучению влияния общественного мнения на становление и развитие науки, укажем на национально маркированные черты российской научной действительности. Несмотря на то что длительное время в России религиозные факторы влияния считались незначительными, именно они формировали как общественное мнение, так и науку. Под влиянием православия образовалась система представлений об ученом как о своеобразном служителе обществу и государству. В сознании россиян ученый наделен такими качествами, как: высокий интеллект, стремление служить обществу, бескорыстие. Научная деятельность воспринимается как средство личностного развития, подобное восприятие нацелено на общественное благо и не предполагает личных выгод.

Список источников

1. *Бурдье П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
2. *Вакуленко А. С.* Общественное мнение в социально-историческом процессе: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Краснодар, 2014. 23 с.

3. ВЦИОМ представляет данные опроса россиян о современной науке [Электронный ресурс]. 19 мая 2021 г. // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauchpop-v-trende> (дата обращения 17.05.2022).
4. **Гегель Г. В. Ф.** Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
5. **Гольцендорф Ф.** Роль общественного мнения в государственной жизни. СПб.: Ф. Павленков, 1881. 139 с.
6. **Горобец Б. С.** Круг Ландау. Жизнь гения. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 361 с.
7. **Коваль Т. Б.** Этика труда православия // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 55—70.
8. **Коннов В. И.** Влияние культурного контекста на развитие науки в России: социально-психологический взгляд // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6 (27). С. 242—249.
9. **Литман У.** Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
10. **Луман Н.** Реальность масс-медиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.
11. **Мертон Р.** Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
12. **Несеверя Н. А.** Институционализация общественного мнения в трансформирующемся российском обществе: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. Пермь, 2006. 28 с.
13. **Подручный М. В.** Общественное мнение как социальный институт // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 6: История, философия. 2020. № 2 (239). С. 115—118.
14. **Романович Н. А.** Современный ученый в зеркале общественного мнения // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1, № 3. С. 58—66.
15. **Синчук Ю. В.** [и др.] Общественное мнение как институт гражданского общества / Ю. В. Синчук, В. Ф. Соловьев, Б. Е. Власов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. 2020. № 3 (840). С. 162—170.
16. **Тард Г.** Общественное мнение и толпа. М.: Институт психологии РАН; КСП+, 1998. 416 с.
17. **Успенский Б. А.** Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М.: ОГИ, 1999. 152 с.
18. **Хвостов В. М.** Общественное мнение и политические партии. М.: т-во И. Д. Сытина, 1906. 63 с.
19. **Цыганков А.** Трамп и кризис олигархии [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdai-club.com/a/highlights/tramp-i-krizis-oligarkhii/> (дата обращения 17.05.2022).
20. **Юревич А. В., Цапенко И. П.** Нужны ли России ученые? М.: Эдиториал УРСС, 2001. 198 с.
21. **Ярошевский М. Г.** Школы в науке // Психология науки. М.: Флинта, 1998. 310 с.
22. **Lowell A. W.** Public opinion and popular government. New York, 1926. 415 p.
23. **Oyserman D.** Cultural psychology: a new look / D. Oyserman, M. Kimmelmeier, H. Coon // Psychological Bulletin. 2002. Vol. 128, № 1. P. 110—117.

References

1. Bourdieu P. Sociologia politiki. M.: Socio-Logos, 1993. 336 s.
2. Vakulenko A. S. Obshchestvennoe mnenie v social'no-istoricheskom processe: avtoref. diss. kand. filos. nauk: 09.00.11. Krasnodar, 2014. 23 s.
3. VTsIOM predstavlyayet dannye oprosa rossiyan o sovremennoi nauke [Elektronnyi resurs]. 19 maya 2021 g. // VTsIOM: [sait]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauchpop-v-trende> (data obrashcheniya 17.05.2022).
4. Gegel' G. V. F. Filosofiya prava. M.: Mysl', 1990. 524 s.
5. Gol'tsendorf F. Rol' obshchestvennogo mneniya v gosudarstvennoi zhizni. SPb.: F. Pavlenkov, 1881. 139 s.
6. Gorobets B. S. Krug Landau. Zhizn' geniya. M.: Izd-vo LKI, 2008. 361 s.
7. Koval' T. B. Etika truda pravoslaviya // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1994. № 6. S. 55—70.
8. Konnov V. I. Vliyanie kul'turnogo konteksta na razvitie nauki v Rossii: sotsial'no-psikhologicheskii vzglyad // Vestnik MGIMO Universiteta. 2012. № 6 (27). S. 242—249.

9. Lippman U. *Obshchestvennoe mnenie*. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 384 s.
10. Luman N. *Real'nost' mass-media*. M.: Praxis, 2005. 256 s.
11. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. M.: AST, 2006. 873 s.
12. Nesevrya N. A. *Institutsionalizatsiya obshchestvennogo mneniya v transformiruyushchemsya rossiiskom obshchestve: regional'nyi aspekt: avtoref. diss. kand. sots. nauk: 22.00.04. Perm'*, 2006. 28 s.
13. Podruchnyi M.V. *Obshchestvennoe mnenie kak sotsial'nyi institut // Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya 6: Istoriya, filosofiya*. 2020. № 2(239). S. 115—118.
14. Romanovich N. A. *Sovremenniy ucheniy v zerkale obshchestvennogo mneniya // Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2010. T. 1, № 3. S. 58—66.
15. Sinchuk Yu.V. [i dr.] *Obshchestvennoe mnenie kak institut grazhdanskogo obshchestva / Yu.V. Sinchuk, B.F. Solov'ev, B. E. Vlasov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki*. 2020. № 3(840). S. 162—170.
16. Tard G. *Obshchestvennoe mnenie i tolpa*. M.: Institut psikhologii RAN; KSP+, 1998. 416 s.
17. Uspenskii B.A. *Russkaya intelligentsiya kak spetsificheskii fenomen russkoi kul'tury // Russkaya intelligentsiya i zapadnyi intellektualizm: istoriya i tipologiya*. M.: OGI, 1999. 152 s.
18. Khvostov V.M. *Obshchestvennoe mnenie i politicheskie partii*. M.: t-vo I.D. Sytina, 1906. 63 s.
19. Tsygankov A. *Tramp i krizis oligarkhii [Elektronnyi resurs]*. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tramp-i-krizis-oligarkhii/> (data obrashcheniya 17.05.2022).
20. Yurevich A.V., Tsapenko I.P. *Nuzhny li Rossii uchenye?* M.: Editorial URSS, 2001. 198 s.
21. Yaroshevskii M.G. *Shkoly v nauke // Psikhologiya nauki*. M.: Flinta, 1998. 310 s.
22. Lowell A. W. *Public opinion and popular government*. New York, 1926. 415 p.
23. Oyserman D. *Cultural psychology: a new look / D. Oyserman, M. Kemmelmeier, H. Coon // Psychological Bulletin*. 2002. Vol. 128, № 1. R. 110—117.

Информация об авторах

Н. Н. Равочкин — доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5).

В. П. Щенников — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и художественно-эстетических дисциплин Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования (Россия, 650070, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Заузелкова, д. 3).

Information about the authors

N. N. Ravochkin — Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya str. 28); Associate Professor of the Department of Educational Technologies, Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva str. 5).

V. P. Shchennikov — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Art and Aesthetic disciplines, Kuzbass Regional Institute for Advanced Studies and Retraining of Educators (Russia, 650070, Kemerovo region, Kemerovo, Zauzelkova st., 3).

Статья поступила в редакцию 30.04.2022.

The article was submitted 30.04.2022.